

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**ЗАВЕЩАЮ
СВОЮ СМЕРТЬ**

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Завещаю свою смерть
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083795

Завещаю свою смерть: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-55495-9

Аннотация

Полковники уголовного розыска Гуров и Крячко простыми делами не занимаются. Вот и сейчас начальство подкинуло им запутанное дело... В мусорном контейнере найдено мертвое тело дочери бизнесмена Кабанова – Снежаны. Начав расследование, сыскари с удивлением узнают, что это далеко не первое такое убийство. Не так давно при таких же обстоятельствах были найдены тела еще как минимум пяти девушек. Что это – совпадение? А может быть, в городе объявился серийный убийца-маньяк? В ходе расследования Гуров и Крячко выясняют, что все имеющиеся версии отпадают. Тогда сыщики принимаются перебирать уж совсем необычные варианты. И, наконец, нащупывают след...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	37
Глава четвертая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Николай Леонов, Алексей Макеев Завещаю свою смерть

Глава первая

Лев Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам уголовного розыска, пребывал в расслабленном состоянии. Сегодня он мог себе такое позволить, поскольку был его законный выходной. Удачно сложилось и то, что его жена Мария также была дома. Целый день наедине с любимой красавицей женой – что может быть приятнее? К тому же Гурова грела мысль, что в Главном управлении внутренних дел, где он работал, у него тишь да гладь, практически все старые преступления раскрыты, а новых громких дел пока что на горизонте не наблюдалось. И можно было позабыть о работе хотя бы на эти два дня.

В субботу Гуров позволил себе поспать дольше обычного: он открыл глаза только в половине одиннадцатого, что случалось редко. Мария сладко посапывала, положив красивую голову ему на плечо. Гуров осторожно высвободил руку, подложив вместо нее подушку. Мария слегка улыбнулась, что-то пробормотала сквозь сон и перевернулась на другой

бок. Тихонько, чтобы не разбудить ее, Лев поднялся и прошел на кухню. Там он открыл холодильник, достал колбасу и сыр и нажал кнопку электрического чайника.

За годы – уже довольно давние – холостяцкой жизни он привык справляться со всем сам. Да и вообще всегда был самостоятельным человеком, так что приготовить завтрак без помощи жены не составляло для него труда.

Гуров жалел Марию, которая служила актрисой в театре, и посему ее рабочий день часто был ненормированным и при этом очень насыщенным. Случалось, что Мария возвращалась домой после спектакля далеко за полночь, еле живая от усталости. У нее порой не было сил даже на то, чтобы переодеться в домашнюю одежду. И тогда Гуров, который и сам часто работал сверхурочно, помогал ей снять пальто, подавал пижаму и тапочки, потом заботливо нарезал бутерброды и наливал чай или кофе. Через несколько минут Мария оживала, взгляд ее уже не был таким опустошенным, в нем появлялись искорки, и вскоре она уже радостно что-то говорила мужу, уплетая бутерброды, рассказывала, как прошла репетиция и сам спектакль, сколько было народу и какие планы у главного режиссера театра на следующий сезон...

Гуров делал вид, что слушает очень внимательно, хотя мало разбирался в театральных постановках, даром что его брак с женой-актрисой длился уже несколько лет. Потом они еще пили чай, а после шли в постель, где утомленная Мария засыпала практически мгновенно. Зачастую она проводила

в театре и субботы, и воскресенья, и Гуров коротал свои выходные в одиночестве.

Со стороны могло показаться, что такой союз долго не протянет. Некоторые недоброжелатели, в душе завидовавшие Марии и Льву, поговаривали, что муж и жена при таком раскладе неизбежно отдалятся друг от друга и, вполне вероятно, между ними встанет кто-нибудь третий. А то и двое. Но не сбывались пророчества злопыхателей, Гуров с Марией умудрялись сохранять привязанность и интерес друг к другу, основанные на взаимной любви.

«А мы потому и вместе, что не успеваем надоесть друг другу, вот нам и не скучно. А вы пялитесь друг на друга постоянно, глаза уже замылились, вот вам и поговорить не о чем, кроме того, с чем сегодня есть картошку – с мясом или салом», – отшучивался он, если кто-нибудь, не страдающий особым тактом, задавал ему вопрос о его семейной жизни или откровенно намекал на вольготные нравы в актерской среде. Гуров терпеть не мог, когда лезли в его личные дела. Мария, отличавшаяся еще большей едкостью языка, могла ответить и похлеще и просто откровенно послать нахала по-дальше.

Гуров никогда не позволял себе задаваться вопросом, есть ли у Марии кто-нибудь. Впрочем, он был уверен, что нет. Такие вещи всегда ощущаются, и он, опер-важняк с огромным стажем, прирожденный сыщик, конечно, моментально почувствовал бы, что жена уже не совсем его... Он знал ее

хорошо и знал также, что на пошлый флирт она не пойдет. И еще он был убежден, что, если Мария полюбит другого, он узнает об этом первым. Она сама поставит его в известность.

Иногда он пытался анализировать их отношения, думал, в чем причина столь крепкого союза при довольно большой разнице в возрасте и сильной занятости обоих. И каждый раз приходил к выводу, что дело в том, что их отношения были замешены не столько на эмоциях, сколько на уважении друг к другу.

Когда Гуров и Мария познакомились, оба были уже достаточно взрослыми людьми. Что касается самого Льва, так он вообще мог считаться весьма зрелым человеком. И хотя и влюбился в Марию словно мальчишка, головы не терял. Разумеется, были и чувства, и очень яркие. Но оба вступали в брак, полностью отдавая себе отчет в том, что делают это на всю жизнь. Конечно, жизнь такая штука, что многие ее события очень сложно предугадать, но Гуров с каждым годом убеждался, что им с Марией был сделан правильный выбор.

... Чайник забулькал, забушевал недовольно, и кнопка отщелкнулась. Полковник усмехнулся своим мыслям. «Наверное, правду говорят, что к старости у людей начинают изменяться жизненные приоритеты и они куда больше, чем в молодости, ценят такие понятия, как дом и семья, больше дорожат ими», – подумал он и тут же вздрогнул. К старости? Он сказал – к старости?!

Лев аж крутанулся на месте. Как он мог так подумать? О

какой старости может идти речь, если он, полковник Гуров, выглядит лет на пятнадцать моложе своих паспортных данных? Он по-прежнему подтягивается по тридцать раз и отжимается по сто, зрение его осталось таким же зорким, как в юности, и на зачете по огневой подготовке он подряд делает из пистолета пять точных выстрелов, четыре из которых летят точнехонько в яблочко и лишь одна – и то не всегда – в девятку.

Гуров невольно поднял руки и поиграл бицепсами. Иные молодые позавидуют! Особенно те, что за свои двадцать лет не то что серьезным спортом – обычной гимнастикой не занимались и предпочитали проводить все свободное время за банкой пива или чего покрепче.

Лев мрачно подошел к столу и принялся нарезать хлеб, колбасу и сыр, делая бутерброды на двоих. Он давно боялся признаться себе, что мысль о надвигающейся старости стала для него очень актуальной. Гуров никак не хотел с ней примириться, не хотел сдаваться и отчаянно боролся, ежедневно занимаясь физическими упражнениями, стараясь поддерживать форму и при этом понимая, насколько глупо бороться с природой...

«Боишься, значит, что жена променяет тебя на кого-нибудь помоложе, а, полковник?» – вкрадчиво прозвучал противный, язвительный внутренний голос, и Гуров брезгливо поморщился. Это были не его слова. Однажды на праздновании дня тогда еще милиции в отделении сильно пере-

бравший лишнего майор Степанов произнес примерно такую фразу. Тогда Гуров сдержался, не стал поддаваться на провокации пьяного дурака, лишь сгреб его за грудки и приподнял над столом, так что Степанов, почувствовав на себе мертвую хватку гуровских ручищ, вытарашил глаза и глупо заморгал ресницами. Гуров чуть подержал его так и молча опустил обратно. Степанов, сразу съжившись, опустил голову и поковылял прочь, поправляя на ходу сбившийся воротничок. И теперь некстати вспомнившаяся фраза, брошенная уже года два назад, чуть испортила Гурову настроение.

– О-о-о, солнце мое, какой же ты молодец! – Прозвучавший сзади звонкий голос вернул Гурова к действительности. – А я, лентяйка несчастная, все проспала! Я негодная жена, брось меня поскорее!

Гуров обернулся. Мария стояла в дверях, потягиваясь и улыбаясь смущенной улыбкой, в которой сквозила вина. Мрачные мысли моментально улетучились. Гуров подошел к Марии, ласково обнял ее и шутливо произнес:

– Конечно, брошу! И найду себе молоденькую, которая будет вставать на два часа раньше меня и летать по квартире, приводя ее в порядок, а потом готовить мне обеды из трех как минимум блюд.

– Она у тебя умрет через год, – усмехнувшись, бросила Мария. – Ты ее совсем загоняешь. Ты это умеешь! Привык на своей работе операми командовать, вот и жену строил бы...

– Но ты же не строишься, – заметил Гуров.

– Так я и не молоденькая, – рассмеялась Мария и, погладив Гурова по щеке, пошла в ванную умываться.

Она всегда была умной. Прекрасно зная о том, как муж переживает из-за своего возраста, никогда не позволяла себе намеков на эту тему, наоборот, всегда старалась поддержать и ободрить. И это полковник тоже очень ценил.

«Нет, мне просто сказочно повезло с женой!» – окончательно успокоившись, подумал Гуров и принялся готовить кофе на двоих.

После завтрака они прогулялись по Москве, потом зашли в кафе пообедать, потом вернулись домой и долго лежали в постели... Гуров чувствовал себя абсолютно счастливым. Уже поздно вечером, когда Мария, приняв ванну, сидела на диване с полотенцем на голове и приводила в порядок ногти, он опустился в удобное кресло и включил телевизор. Ни один из многочисленных каналов, предлагавших свои разнообразные программы, так и не смог его заинтересовать, и Лев просто меланхолично щелкал пультом. Мария, искося поглядывая на него, продолжала свое занятие. Покончив с ногтями, она сняла полотенце, помотала головой, так что черные волосы разлетелись в стороны, а на Гурова попало несколько капелек воды, и включила фен.

Гуров наконец нашел то, что подсознательно искал. На одном из местных каналов транслировалась сводка криминальных новостей за прошедшую неделю.

...«Крупный пожар охватил ночью подземную парковку в Москве...»

...«Две иномарки столкнулись на полосе движения общественного транспорта...»

...«В центре, в районе Таганки, в мусорном баке обнаружено тело молодой женщины. Тело упаковано в полиэтиленовый пакет синего цвета. Предположительно девушка скончалась от колото-резаных ранений...»

...«Маршрутка на перекрестке насмерть сбила женщину. Всех свидетелей и очевидцев происшедшего просят позвонить по телефонам...»

...«В Москве задержаны члены преступной группировки по разбою и нападениям на водителей большегрузных фур...»

...«На севере столицы сгорели три маршрутки...»

...«Преступники в форме сотрудников правоохранительных органов похитили крупную партию оргтехники...»

...«Массовая драка на юго-востоке Москвы. Столкнулись две рабочие группы из Узбекистана...»

– Да выключи ты его! – раздраженно произнесла Мария, подходя к мужу.

Она уже высушила волосы, которые теперь пышными волнами падали ей на плечи. Стоя перед Гуровым, свежая, красивая, сексуальная, она вырывала из его рук пульт, тянула за собой... Гуров, со вздохом бросив взгляд на экран, выключил телевизор и направился за женой.

Заснули они только под утро, но обоих это не волновало – впереди было еще целое совместное воскресенье...

* * *

В понедельник Гуров ехал на работу, чувствуя себя бодрым и полным сил. Выходные, проведенные с Марией, явно пошли ему на пользу. Сыщик включил радио и под ненавязчивую ритмичную музыку вел свою машину к Главному управлению внутренних дел.

Пройдя в здание, он остановился у будки дежурного и, тихонько насвистывая, принялся листать сводку происшествий за прошедшую неделю. Ограбления, нападения, аварии, угоны автомобилей. И – убийства, убийства...

«Хорошо еще, что на нашей территории мало, – подумал Гуров. – И в основном сплошная бытовуха».

Впрочем, как всегда. Процент преступлений, совершаемых на бытовой почве, традиционно был самым высоким. Гуров за такие не брался. Ему, старшему оперу по особо важным делам, поручалось что-нибудь действительно серьезное. Например, убийство известного журналиста или политика. Но журналистов и политиков убивают, к счастью, не каждый день, посему Гурову приходилось заниматься и другими делами, участниками которых не были публичные персоны. Правда, от этого дела не становились менее сложными. Но при этом Лев знал, что ему не доведется расследовать,

к примеру, убийство пенсионера дяди Васи, совершенное, по предварительным данным, его внуком-наркоманом с целью завладеть только что полученной пенсией. Или рядовую смерть какой-нибудь обычной женщины. Вот как, например, эту...

Гуров поднес сводку ближе к глазам и вчитался внимательнее. Молодая девушка с черепно-мозговыми травмами обнаружена на рассвете в мусорном контейнере. Поссорилась, скорее всего, с мужем, любовником или сожителем, он по пьяному делу ее по голове и шарахнул, как чаще всего и бывает. А тело – в мусорный контейнер, очень удобно, многие пользуются. Вот совсем недавно Гуров слышал нечто подобное. Но, посмотрев на район, где было найдено тело девушки, и убедившись, что он находится очень далеко от Главка, Лев успокоенно вздохнул, вернул сводку дежурному, резво пошел к лестнице и стал подниматься к себе в кабинет, преодолевая сразу по две ступеньки.

Станислав Крячко, его давний друг и коллега, уже был на месте. Он сидел в кабинете в своем кресле, как показалось Льву, с озабоченным видом.

– Чего нос повесил? – весело спросил Гуров, проходя в кабинет и аккуратно вешая в шкаф на плечики свой светлый итальянский плащ.

Крячко лишь покосился на друга и фыркнул.

– Как денди лондонский одет, – пробормотал он.

Гуров чуть нахмурился. Плащ выбирала Мария, а ее вкусу

он доверял безоговорочно. Да и сам себе, признаться, нравился в этом одеянии. Оно и впрямь делало его слегка похожим на англичанина, еще больше подчеркивало высокий рост и общую стройность. И подколы Станислава Гуров воспринимал негативно.

Сам Крячко уже который год ходил в неизменной темно-серой куртке, пухлой и раздутой, отчего его и без того широкая фигура казалась просто расплывшейся. Куртка была уже, мягко говоря, старовата, но Станислав принципиально не менял ее, и не из соображений экономии – уж что-то, а новую одежду он мог себе позволить, – а по причине удобства. Удобство было для Станислава на первом месте, и он безжалостно высмеивал Гурова, который порой в ущерб здоровью зимой носил ботиночки на тонкой подошве только потому, что они подходили к его пальто.

Но настроение было слишком хорошим, чтобы затевать ссору на пустом месте, и Гуров решил лишь слегка ответить на замечание старого друга.

– А ты – как пенсионер-дачник, – бросил он, проходя к своему любимому жесткому стулу, который отказывался менять на всякие кресла.

Станислав не ответил, лишь глубоко вздохнул, давая понять, что между ним и Гуровым лежит пропасть в мировоззрении. Лев, устраиваясь на стуле, вдруг ощутил, что ему холодно. Пощупал рукой батарею – так и есть, ледяная.

– Что, так и не затопили? – удивленно посмотрел он на

Крячко.

– Как видишь! – отозвался тот. – Впору жалобу писать Президенту.

И отвернулся.

– Что-то еще случилось? – поинтересовался Гуров. – Или жена заставила тебя все выходные ездить по рынкам, запасаясь картошкой на зиму, поэтому ты и решил отыгаться на мне за испорченный отдых?

– А! – махнул рукой Станислав. – Жена ладно, я уже привык...

– А кто тогда? Любовницы у тебя, насколько я знаю, нет... – продолжал беззлобно шутить Гуров.

– Зато у меня есть дети! – тяжело произнес Крячко. – И они меня совсем не радуют. Вернее, дочка-то ничего, нормально, а вот сынок...

– А что сынок? – нахмурился Гуров. – С дурной компанией связался? Алкоголь, наркотики?

– Да нет, нет, что ты! – испуганно замахал руками Крячко. – Просто, знаешь, не пойму я его. Оболтусом каким-то растет, честное слово! Вот ничего ему не надо, представляешь? Отец работает, мать кормит-обстирывает, завтраки ему чуть ли не в постель подает. А он придет с учебы, сразу за компьютер – нырк, наушниками уши заткнул – и все! Ничего больше не интересует! Подойдешь, спросишь, как дела, хочется ведь порой по душам поговорить, а он – ноль эмоций. И вижу, что весь в своих играх и дороже них у него

ничего нет. Уроки, по-моему, вообще не делает... Так, для вида покорябает что-то в тетрадках и опять за свои игрушки. Станешь говорить – один ответ: «Отстань, па!» Нет, вот представляешь? «Отстань, па!» Ничего не читает, по дому не помогает – ничего в жизни не нужно. Тунеядцем растет тупоголовым!

– Ну, не преувеличивай, – попытался успокоить друга Гуров, радуясь, что все не так страшно. – Сейчас большинство подростков так живут. Виртуальный мир заменил им и книги, и кино, и театр, и прочие наши увлечения. Такое поколение, что поделаешь!

– Плохое поколение! – вскричал вдруг Крячко. – Потерянное поколение!

– Ты драматизируешь, – стоял на своем Гуров. – Не такая уж плохая у нас молодежь. И учатся хорошо, и соображают кое в чем побольше нас с тобой.

– Чего они там соображают... – со скепсисом поморщился Крячко. – Ничего не знают и знать не хотят. Вот что с ним делать? – Он глубоко вздохнул и признался: – Хотел даже ремнем отлупить, да как его отлупишь – вырос на голову выше меня, в плечах скоро шире будет. Недавно жена мою джинсовую куртку примерила – мала! Вернее, в ширину великовата, а в длину – мала. Рукава короткие...

Гуров расхохотался, представив, как Станислав гоняется с ремнем за своим великовозрастным сыном, который хоть и вел, по словам отца, праздный образ жизни, все же не был

законченным тунеядцем, а уж тем более тупоголовым. Нормальный парень. Учится, конечно, средне, но в общем-то, по правде говоря, гением ему быть и не в кого: в семье Крячко не было особых интеллектуалов. И он, и его супруга были крепки житейским, практическим умом, которому Гуров, бывший в обыденной жизни несколько наивным человеком, даже немного завидовал. Ну, потакать парню, конечно, не следует, завтрак и сам может приготовить, но в целом Гуров считал, что Станислав излишне сгущает краски.

– Увеличь круг его обязанностей, – посоветовал он другу, видя, что тот искренне переживает свою семейную «драму». – Пусть в магазин ходит, ковер пылесосит...

Крячко выразительно посмотрел на Гурова, и Лев понял, что сыну Станислава не раз предлагалось «расширить круг обязанностей», но тот почему-то упорно не хотел его расширять.

– Нет, ну вот почему они такие? – снова завел свою пластинку риторических вопросов Крячко. – Ведь мы же не такими были, не такими! Вот я в его годы...

– Ты в его годы попал в милицию за драку на улице, – перебил его Гуров. – Причем тебе так понравилось, что ты остался здесь по сей день. А еще ты в его годы...

– Ладно, ладно! – быстро поднял ладонь Крячко, которому явно не очень понравились воспоминания о днях его юности, оказавшейся не столь благоденственной, сколь ему бы хотелось продемонстрировать своему отпрыску. – Ты прямо,

можно подумать, святой!

– Не святой, – согласился Гуров. – Да и не претендую. И сына у меня нет – некому пример подавать.

– Вот именно, у тебя сына нет, тебе хорошо... – заканючил было Крячко, но, спохватившись и сообразив, что сморозил, быстренько исправился и нарочито бодро произнес: – Ну, у кого-то детей нет – им, конечно, проще. У кого-то есть – им, безусловно, тяжелее, но это тоже хорошо.

И совсем уже оптимистично закончил:

– Словом, каждому свое!

– Каждому свое! – подхватил голос от двери, и оба сыщика разом обернулись.

В дверях стоял генерал-лейтенант Орлов Петр Николаевич, такой же давний друг Гурова, как и Крячко, но при этом еще и его непосредственный руководитель, начальник Главного управления внутренних дел. Его появление оказалось несколько неожиданным – за разговором сыщики не обратили внимания на отрывшуюся дверь.

– Задушевные беседы с утра ведем – это хорошо, – кивнул Орлов, внимательно глядя на Гурова.

Лев сразу понял, что взгляд этот неспроста. Он содержал сразу несколько оттенков. Орлов смотрел на Гурова оценивающе – раз. С надеждой – два. И с сочувствием – три. И именно последний нюанс заставил сыщика насторожиться. Тем не менее он совершенно спокойно поприветствовал генерал-лейтенанта и подтвердил:

– Беседы между друзьями – всегда хорошо. А ты чего в такую рань к нам пожаловал?

– А почему бы нет? – подмигнул обоим Орлов, проходя в кабинет и усаживаясь в свободное кресло. – Или я вам не друг?

– Никак, тоже хочешь с нами по душам побеседовать? – отозвался Крячко, косясь на генерал-лейтенанта.

Он, как и Гуров, не видел в утреннем визите начальства в их кабинет ничего хорошего.

– Хочу, – посерьезнел Орлов. – Очень хочу.

– Ну так не разбегайся, прыгай! – не выдержал Гуров.

Но генерал-лейтенант так с ходу, без разбега, прыгать не умел. Он любил потянуть время, помолчать, словно проверяя на прочность нервы собеседника, а уж потом, изведя все его терпение, выдать наконец суть вопроса. Вот и сейчас генерал-лейтенант начал издалека.

– Эх, хорошо быть богатым и здоровым, верно, ребята? – сказал он.

Гуров и Крячко промолчали, игнорируя реплику Орлова и тем самым демонстрируя, насколько глупо она прозвучала.

– Вот хотел бы ты, Станислав, быть богатым? – обратился Орлов непосредственно к Крячко.

– Хотел бы! – с вызовом ответил Станислав.

– Да? – сразу заинтересовался Орлов. – А что бы ты тогда делать стал? Ну, скажем, будь у тебя... ну хотя бы миллион долларов?

– Долги бы раздал, – язвительно произнес Крячко. – Между прочим, зарплату опять задержали на два дня.

– Что поделаешь, кризис, – с притворным вздохом сказал Орлов.

– И как только вам не надоест эта отмазка? – удивился Крячко и посмотрел на Гурова. Тот молчал, дожидаясь, когда закончится этот пустой треп и Орлов перейдет к главному, для чего он, собственно, и зашел.

– Ты, Лева, у нас сейчас, кажется, ничем особо не занят? – будто мимоходом спросил тем временем генерал-лейтенант Гурова.

– Особо – нет, – отрезал Лев.

– А тебе что, огород вскопать надо? – осведомился Крячко.

– Не надо, пока сам справляюсь, – ответил Орлов и снова пристально посмотрел на Гурова, переводя взгляд на Крячко. Потом произнес: – Давай-ка, Лева, побеседуем наедине.

– Что, разговор кон-фи-ден-циальный? – продекламировал по слогам Крячко, стараясь вложить в длинное слово как можно больше презрения. – Я мешаю?

– Нет, просто мы тебе мешать не хотим, – спокойно отреагировал Орлов. – Ты же работаешь.

– Это я к тому, что даже не надейся, что я выйду из своего кабинета, – на всякий случай предупредил Крячко и нарочно достал из ящика стола папку с первым попавшимся делом, хотя в данный момент явно не был занят никакой работой и

читать это дело даже не собирался.

– Вот я и говорю, лучше мы слевой пойдём в мой кабинет, – сказал Орлов и поднялся.

– Подальше, значит, от посторонних ушей, – кивнул Крячко. Не то чтобы он хотел быть втянутым в дело, в которое генерал-лейтенант явно собирался посвятить Гурова; просто ему было любопытно, что ж там такого могло произойти, если Орлов вызывает полковника к себе в кабинет для личной беседы. Собственно, подобные беседы не были такой уж редкостью, и Станислав обычно не проявлял лишнего любопытства, справедливо полагая, что каждый должен заниматься своим делом. Но сейчас такое положение вещей его почему-то задело. Может быть, сказывались переживания из-за сына или выходные, которые он вообще-то провёл весьма бездарно, в субботу провалявшись весь день на диване, а в воскресенье проковырявшись в гараже со старой машиной тестя... Вечер же уставший Станислав провёл не лучше своего отпрыска: плотно поужинав заботливо поданным женой пловом и маринованными огурчиками, он засел за компьютер, благо их в семье Крячко было два, и часа три палил из «эмки» по кровожадным монстрам – из всех компьютерных игр Крячко предпочитал стрелялки, которые давались ему лучше иных жанров игр. Он и сам говорил: «Там думать не надо. А мой мозг должен отдыхать – я и так на работе много думаю». Так или иначе, спать Крячко лёг поздно, и сон его был тревожным и прерывистым. Собственно, толком Стани-

слав так и не уснул и, проворочавшись, плюнул на все и встал с головной болью, начав собираться на работу. Посему и настроение его было соответствующим.

Орлов уже двигался к выходу, Гуров за ним. У дверей Лев обернулся и подмигнул приятелю. Станислав усмехнулся уголком рта и показал Гурову знак держаться молодцом. После ухода приятелей посмотрел на лежавшую перед ним папку с делом и, убрав ее в стол, направился в буфет выпить чашку-другую кофе, надеясь таким образом заглушить головную боль и поднять настроение.

Глава вторая

– Значит, так, Лева, – сидя в своем любимом кресле с высокой спинкой, говорил Орлов. – Я ведь не зря про богатых людей разговор начал. Ты пей чаек-то, пей. У меня чай – м-м-м! На семи травах заваренный! Специально Верочку на курсы посылал, чтобы научилась. Китайцы приезжали, курсы организовали, вот я ее туда и отправил.

– От китайского товара в последнее время изжога возникает, – усмехнулся Гуров. – В прямом и переносном смысле.

– Да, – согласился Орлов. – Китайцев сейчас только ленивый не ругает. Зря, между прочим. Что ни говори, а по части чая им равных нет.

– Чай хороший, – согласился Гуров.

– Отличный! – с воодушевлением поправил его Орлов. – Просто отличный! Веришь, нет – по семь стаканов за день выдуваю, не хуже Фроси Бурлаковой.

– Кстати, китайцы на своих паршивых товарах очень сильно поднялись в последнее время. Не качеством взяли, так количеством. Это я к вопросу о богатых людях, – с намеком сказал Гуров, давая понять Орлову, что длинные преамбулы не нужны и он уже давно готов выслушать то, что генерал-лейтенант так и не озвучил.

– Да... – Орлов чуть помрачнел. – Богатым быть, конечно, хорошо. Но ты в курсе, что у нас в стране порой случаются

неприятности с людьми богатыми и влиятельными?

Гуров кивнул, поскольку вопрос не подразумевал ответа. Разумеется, об этом знало большинство рядовых граждан, а не только полковник МВД.

– Не только в нашей стране, Петр. Это всеобщий закон, – сказал он. – Так с кем на этот раз произошли неприятности и какого рода? Ты ведь меня по этому поводу вызвал?

– Ты слышал такую фамилию – Кабанов? – перешел наконец к делу Орлов.

– Ну довольно крупная фигура, – кивнул Лев. – Слышал, но лично поручкаться не доводилось.

– Боюсь, теперь придется, – вздохнул Орлов и, выдержав взгляд Гурова, сообщил: – Дочь у него убили, Лева. В ночь с пятницы на субботу. Правда, тело обнаружили не в нашем районе, и мы бы, может, и открестились, если бы те опера, что взялись за расследование, не сработали слишком уж халтурно.

– Что ж они такого страшного сделали? – полюбопытствовал Гуров, прихлебывая чай.

– Ну, страшного, слава богу, ничего. Но работали вполноги. Девчонка эта, Снежана ее звали, в ночной клуб вроде бы пошла в тот вечер. Ну, они и опрашивали всех, кто ее там видел. А потом выяснилось, что перепутали даты и расспрашивали вообще не про тот вечер, в итоге в свидетельские показания попали те, кто вообще там не был в пятницу. Ну, папаша посмотрел, видимо, как дело продвигается, и ему это

не понравилось.

– Так прошло-то всего ничего! – возразил Гуров. – Убили в ночь на субботу, а сегодня только понедельник.

– Уже понедельник, Лева! – многозначительно поправил его Орлов. – Уже! Причем, замечу, понедельник следующий!

– Не понял? – чуть нахмурился Гуров.

– Чего ж тут непонятного? – тяжело произнес Орлов. – Убили ее в ночь не на эту субботу, а на прошлую! Восьмого октября. А сегодня уже семнадцатое. Вот так.

И он мрачно уставился в окно, постукивая указательным пальцем по столу.

– Ну а мы-то здесь при чем? – пожал плечами Гуров. – Они напортачили – они пусть и расхлебывают.

– Так бы оно, конечно, было лучше всего, – со вздохом произнес Орлов. – Если бы не папа... В общем, папе кто-то шепнул, что в Москве есть некий полковник Гуров, мастер российского сыска, столичный Шерлок Холмс и все такое. В общем, такой тебе бесплатный пиар устроили – прямо завидки дергают, как Станислав говорит.

– Я и смотрю, ты мне прямо обзавидовался, – усмехнулся Гуров, прекрасно понимая, что генерал-лейтенант нарочно бодрится и заговаривает ему зубы. – Аж ерзаешь на стуле. Ты, соловушка, мне этих льстивых песен не пой. Знаешь же – не купишь меня на них. Лучше скажи, что он хочет, папаша-то этот? Чтобы я нашел, кто убил его дочь?

– Точно! – вздохнул Орлов. – Именно этого он и хочет.

Даже заплатить готов.

– Бред какой-то! – пожал плечами Гуров. – Я же не частный детектив! Никакой не Шерлок Холмс и даже не Ниро Вулф.

– Ну, одно время ты работал в частном агентстве, – напомнил генерал-лейтенант. – Но, в общем, тебе об этом думать не нужно. Нужно приступать к делу как оперуполномоченному по особо важным делам уголовного розыска.

– А если я откажусь? – в упор посмотрел на Орлова Гуров.

– Не получится, Лева, – покачал головой Петр Николаевич. – Материалы уже передали нам. Ты, конечно, можешь пойти на попятную и официально написать отказ заниматься этим делом, но я его не подпишу. Потому что, честно говоря, не вижу достаточных причин, чтобы тебе так поступать! Зачем? Ну, считай, что убили любую другую девушку. Раскрывай как обычное преступление! А если он даже и захочет тебя отблагодарить... – Орлов приблизился к Гурову и понизил голос: – Лева, я тебе как друг скажу – не отказывайся. Стать настолько богатыми, чтобы заработать неприятности, нам с тобой все равно не светит, а тебе лишние деньги не помешают. И еще. Я не собираюсь требовать от тебя никакой доли, если ты это подозреваешь. Просто хочу, чтобы ты раскрыл это преступление.

– Я и не думал ничего подобного, – пожал плечами Гуров. – Я бы и сам с тобой поделился. Беда только – делить пока нечего. Шкуру неубитого медведя разве что...

– А вот ты зря не сиди, а давай-ка побыстренько за дело и берись, – подбодрил его Орлов. – С ходу, так сказать, вливайся!

Гуров думал недолго. Действительно, какие у него особые причины, чтобы отказываться от этого дела? Да никаких, по сути. Конечно, не очень хотелось связываться с таким человеком, как Кабанов, – если он наделен деньгами в совокупности со вздорным характером, то это не самое лучшее сочетание. Но, в конце концов, от него можно абстрагироваться. Проще говоря, вежливо послать подальше, если станет давать указания, как вести расследование, и тем самым только мешать.

А деньги... Да ведь никто не заставляет полковника брать эти деньги. Он и не хотел этого делать. Гуров привык трудиться ради работы, которую по-настоящему любил, получая за это свою законную зарплату. К тому же ему не хотелось, чтобы по управлению поползли слухи, что он берет левые заказы от бизнесменов и получает вознаграждение. «Доброжелатели» в своих сплетнях и до взяточничества его доведут; между тем уж в чем в чем, а в коррупции обвинять Гурова было верхом несправедливости. Поэтому полковник решил заняться делом об убийстве Снежаны как обычно – как оперуполномоченный по особо важным делам.

Лев поднял глаза на Орлова, и тот по взгляду понял его решение.

– Вот и отлично! – обрадовался он.

Честно говоря, в глубине души генерал-лейтенант опасался, что Гуров может заартачиться из каких-то сугубо личных принципиальных соображений, но все обошлось.

– Что он вообще говорит, этот папаша? – спрашивал тем временем Гуров, уже переходя к предварительному расследованию.

– Ничего, – пожал плечами Орлов. – Просто хочет, чтобы нашли убийцу...

– Это понятно! А направление для поисков он дать может? Ну, должен же он подозревать, из-за чего это случилось. Не на ровном же месте у него дочь убили. С кем чего не поделил? Были ли какие-то предупреждения и от кого? Наезды какие-то?

Орлов с мрачным видом забарабанил пальцами по столу. Гуров в упор сверлил его взглядом.

– Молчит он, Лева, – со вздохом сказал генерал-лейтенант. – Вернее, говорит, что никаких наездов и предупреждений не было, что у него честный бизнес и он никому не мешает. Что никаких претензий к нему ни с чьей стороны нет – ни от налоговой, ни от конкурентов.

– Ну, это он пусть кому-нибудь другому рассказывает, – спокойно кивнул Гуров. – Я с ним сам побеседую.

Генерал-лейтенант заерзал в кресле и крикнул.

– Ну, что еще? – не выдержал Гуров.

– Он, Лева, не хочет ни с кем беседовать. Говорит, что у него громадная трагедия и мы, дескать, должны это пони-

мать и не беспокоить его в такой тяжелый жизненный момент...

– Ничего себе позиция! – возмутился Гуров. – А как, он думает, я ему убийцу искать буду?

– А он об этом, Лева, не думает. Он считает, что это по твоей части. А он свое дело сделает – заплатит.

– Да пошел он со своими платами! – не выдержал Гуров. – Передай дело обратно в район, где совершено преступление, и все дела! Терпеть еще его капризы...

– Остынь, Лева, – просительно сказал Орлов. – Остынь. Если что, ты и без его показаний все выяснишь. Ну, подумай сам! Зачем они тебе, если правду он тебе все равно не скажет? Тебе охота липу слушать? Лапшу с ушей снимать? Сами справимся!

Орлов намеренно произнес последнюю фразу во множественном числе, чтобы подчеркнуть, что не собирается полностью отстраняться от этого дела и чтобы Гуров даже не думал в этом сомневаться.

– Материалы-то посмотреть можно? – поостыв, осведомился Гуров.

– Разумеется, разумеется! – с готовностью закивал генерал-лейтенант. – Я тебе все материалы дам – сиди, знакомься. Да! Там Крячко весь из себя обиженный остался. Так вот, понадобится – введи его в курс дела и тоже подключай. И вообще, всех, кого потребуется. Нам бы поскорее с этим делом покончить, сбросить его, так сказать, как грех с души, и

с чистой совестью дальше работать.

– У меня в работе совесть и так чиста, – заметил Гуров. – Думаю, что и твоя не грязнее.

Орлов как-то печально кивнул и вздохнул. Гуров взял материалы дела и отправился в свой кабинет. Первой мыслью его было, что убийство Снежаны Кабановой – суть каких-то разборок между бизнесменами. Мечь самому Кабанову или способ давления на него. И именно поэтому бизнесмен и молчит, не хочет, чтобы всплыли какие-то дела и разборки, которые ему очень хотелось бы скрыть от посторонних глаз и ушей.

Но делать глобальные выводы было еще очень рано, и Гуров углубился в чтение. Крячко по-прежнему отсутствовал в кабинете, потягивая кофе в буфете, и сейчас это было на руку полковнику.

Свидетельские показания были довольно многочисленны, путаны и противоречивы. Единственное, что уяснил для себя Гуров, – в ночь с седьмого на восьмое октября, с пятницы на субботу, Снежана Кабанова пришла в ночной клуб «Парадиз», который посещала довольно часто и где собиралось множество ее знакомых, приятелей и друзей. Когда она ушла оттуда и с кем, так и не удалось толком выяснить. Вроде бы говорили, что к часу ночи ее уже не было в клубе.

Труп ее обнаружили на рассвете сотрудники службы вывоза мусора. Тело лежало в мусорном контейнере, завернутое в полиэтиленовый мешок синего цвета. Когда мусор ста-

ли грузить, труп просто выпал из этого мешка.

Мусорщики, онемев от ужаса, смотрели на страшную находку, после чего трясущимися руками все же набрали ноль-два. Столь кошмарное зрелище не прошло бесследно для их психики, и в итоге один из них отправился в больницу, а другой – в глухой запой. И, надо сказать, было от чего...

Гуров, читая описание ран на теле девушки, сам невольно передернулся. Тело Снежаны было буквально истерзано, словно его изодрали какими-то тупыми ножами. Точнее даже, не изодрали, а проткнули, но не в одном месте, а по всему туловищу. Что характерно, ранения были довольно симметричными. Многие внутренние органы оказались порванными.

«Варварство какое-то! – подумал сыщик. – Кому понадобилось убивать девчонку столь жестоким способом? И с помощью чего?»

«Ранения, несовместимые с жизнью» – таковой значилась причина смерти. Сам труп, разумеется, был весь окровавлен, много крови натекло и в пакет, в который он был уложен, по-сему неудивительно, что мусорщики отреагировали на него столь сильно.

Собственно, беседовать с ними Гуров не считал особенно важным. Они просто обнаружили труп девушки, которая наверняка была убита в другом месте. Важным он считал другое: тело в мусорном контейнере, упакованное в полиэтиленовый пакет! Память полковника сразу же выцепила из чере-

ды информации последних дней воскресную криминальную сводку. В ней, помимо прочего, говорилось о трупе, найденном в мусорном баке. Гуров припомнил также, что сегодня утром видел похожее преступление уже в местной сводке. И еще он вспомнил, что эти трупы были найдены в разных районах. А значит, и занимались ими разные отделения. И сейчас необходимо было получить абсолютно все материалы по этим делам...

Гуров решительно поднялся с места, чтобы отправиться к Орлову, и в дверях буквально налетел на возвращавшегося в кабинет Крячко. Удар вышел не сильным, поскольку был смягчен животом Станислава.

– Чего летишь, как на пожар? – спросил тот довольно благодушно: после принятого кофе с несколькими булочками настроение Крячко явно пошло по восходящей.

– Вот именно, пожар! – проговорил на ходу Гуров. – Станислав, я скоро вернусь. И все объясню. А ты пока возьми с моего стола дело и прочитай. Нужна твоя помощь. Похоже, мы все горим.

И быстро пошел по коридору. Крячко немного удивленно посмотрел ему вслед, потом бросил взгляд на гуровский стол. Там лежала довольно тоненькая папочка. Станислав понимал, что читать ее ему совершенно не хочется. Но еще больше он понимал, что произошло и впрямь что-то из ряда вон выходящее, если Гуров так забегал, и хочешь не хочешь, а работать придется. А от действительно серьезной работы

Станислав никогда не отлынивал. Поэтому он прошествовал к столу напарника, взял папку, вернулся на свое место и, поудобнее усевшись на стул, внимательно принялся читать сведения об убийстве Снежаны Кабановой.

Гуров же, стремительно двигаясь по коридору к кабинету генерал-лейтенанта, неожиданно передумал туда идти, развернулся и пошел в сторону лестницы. Спустившись на первый этаж, подошел к дежурному и сказал:

– Слава, мне нужна сводка по трупам девушек, найденным в мусорных баках. Дела эти в разных районах. Мне известно только о двух, но вполне возможно, что их гораздо больше. Обзвони, пожалуйста, и попроси, чтобы прислали материалы.

– А когда нужно, Лев Иванович? – чуть удивленный гуrowsким натиском, спросил дежурный.

– Вчера, – бросил сыщик и пояснил: – Чем быстрее, тем лучше. Впрочем...

Видя, что на лице дежурного младшего лейтенанта не появилось особого воодушевления, Гуров сам шагнул в его кабинку и, отстранив Славу, принялся методично обзванивать все районы, расспрашивая о нужных делах и требуя прислать по факсу материалы дел в Главное управление внутренних дел. Сделав это, Гуров переключился на сводку происшествий, случившихся за выходные, которую бегло просматривал сегодня утром. Найдя нужную строчку, еще раз набрал номер нужного отделения.

Через некоторое время материалы были им получены, и Гуров вернулся в свой кабинет, на ходу просматривая бумажную ленту.

Крячко смотрел на него выжидающе, однако Лев, ничего не объясняя, проследовал к своему столу и уселся на стул. Там он разложил полученные документы и стал их изучать. Документы были предварительными, краткими, и Гуров, читая их, с каждой секундой все больше и больше убеждался, что ему нужны полнейшие сведения. А значит, нужно повторно связываться с отделениями, приславшими ему материалы. Но теперь это уже необязательно было делать лично: номера всех дел у него были на руках. Вполне можно поручить эту работу кому-нибудь из младших офицерских чинов, а то и сержантам.

– Дело прочитал? – не поднимая головы, спросил он у Станислава.

– Уже раза четыре, – ответил Крячко. – Некоторые места даже наизусть могу продекламировать.

– Молодец, – бросил Гуров и протянул руку. – Давай его сюда!

Крячко охотно передал ему дело об убийстве Снежаны Кабановой. Гуров около получаса был поглощен изучением и сравнением материалов, затем поднял голову и сказал:

– Пошли к Орлову.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство! – поднимаясь с кресла, буркнул Крячко, в душе недовольный тем,

что Лев так ничего толком и не объяснил, и не удержался от вопроса: – Ты теперь во всем хочешь начальству подражать? Тянуть кота за хвост, к примеру, как Петр?

Гуров промолчал, собирая бумаги и направляясь к двери.

– Или ты теперь будешь только руками водить? – идя за ним по пятам, не отставал Крячко.

– Заткнись, – коротко и емко произнес Лев. – Сейчас все объясню.

Орлов был у себя. Он сидел в кресле и попивал столь полюбившийся ему китайский чай. Секретарша Верочка, много лет знавшая и Гурова, и Крячко, и самого Орлова и привыкшая к их отношениям, не стала ни спрашивать, по какому они вопросу, ни докладывать самому генерал-лейтенанту, что к нему сразу двое визитеров.

При виде своих лучших сыщиков Орлов поднял голову и моментально отметил, насколько посерьезнело лицо Гурова по сравнению с ранним утром, когда они беседовали здесь же, в его кабинете.

– Я вижу, Лева, ты уже и Станислава в курс ввел? – оторвавшись от чая, решил похвалить Орлов своих подопечных. – Молодец. Ну, решили, что делать дальше?

– Да, – с непроницаемым лицом сказал Лев, усаживаясь в кресло.

Орлову что-то не нравилось в его лице, но он пока не мог понять, что именно, и повернулся к Крячко, надеясь получить от того объяснение. Станислав картинно развел руками.

– Оне нам не докладають! – вздохнул он. – Оне сами думают. Оне у нас мозг. А мы – так, намусорил ктой-то...

Гуров по-прежнему сосредоточенно молчал, и было видно, что он действительно о чем-то напряженно думает.

– Так что будем делать-то? – не выдержал Орлов.

– Ждать шестой труп, – наконец ответил Гуров.

Глава третья

В кабинете генерал-лейтенанта Орлова повисла пауза. У Крячко невольно отвисла губа. Он вообще знал только про один-единственный труп – Снежаны Кабановой, – а у Гурова откуда-то взялись целых пять, и он предлагал ждать еще и шестой. Но, уже давным-давно привыкнув к особенностям своего друга, Станислав решил занять позицию ветоши. Проще говоря, отойти в сторонку и переждать.

– Поясни, пожалуйста, – наконец проговорил Орлов. – Я, кажется, поручал тебе заняться одним трупом.

– Да, только он связан еще с четырьмя, – кивнул Лев, протягивая Орлову все полученные материалы. – Да не смотрите вы на меня волками, я сам ошарашен! Сейчас все объясню.

Орлов видел, что Гуров и впрямь сильно озадачен. И не просто озадачен: сыщик откровенно нервничал. И было отчего. Оказалось, что на протяжении последних четырех недель в Москве стали регулярно находить трупы молодых девушек. Собственно, трупов по столице полным-полно, за четыре недели среди них кого только не было – и девушек, и парней, и взрослых мужчин, и стариков, и даже детей. Что поделаешь, таковы реалии не самого лучшего времени.

Но несколько трупов стояли особняком. Все они были выброшены в мусорные контейнеры и при этом упакованы в синие полиэтиленовые пакеты – происходило это в разных

районах Москвы, следовательно, и занимались ими разные отделения. Девушки были совершенно обычными. Никому и в голову не пришло связать их смерти между собой. Так бы и затерялись они в обычной череде других погибших, если бы четвертый труп не принадлежал Снежане Кабановой, дочери весьма известного и богатого человека, который, в свою очередь, возжелал, чтобы расследованием смерти его дочери занялся лучший сыщик Москвы. И этот лучший сыщик в данный момент, периодически переводя дух, обстоятельно делился со своими начальником и другом тем, что ему удалось выяснить.

И генерал-лейтенант, и Крячко, услышав первые фразы доклада Гурова, буквально обратились в слух. Крячко даже перестал изображать из себя пустое место и придвинулся ближе. А Гуров, периодически откидывая волосы со вспотевшего лба, уже успокоенный и сосредоточенный, деловито рассказывал...

При ближайшем рассмотрении сыщик выявил еще несколько общих черт: все девушки были молодыми, примерно одного возраста, физически крепкими, тела их были обнаженными. И все они были со странным набором травм и ранений. Вот на этом, собственно, сходство и заканчивалось, а дальше начинались сплошные расхождения.

Жертва, обнаруженная первой, скончалась от ударов тяжелыми предметами по голове. Удары были нанесены с большой силой, с обеих сторон черепа.

Вторая девушка погибла оттого, что ее тело как будто изрубили топором. У третьей на теле множественные ожоги, в некоторых местах даже обугливание.

– Четвертая, Снежана Кабанова, – продолжал Гуров, – умерла оттого, что ее тело было пронзено какими-то кольями.

– Черт знает что такое! – не выдержал Орлов и поежился. – Топоры, колья... Средневековые какое-то мрачное!

– Вот именно, – поддержал его Крячко. – Лева, а у тебя фантазия не разыгралась, часом?

– Нет, – спокойно ответил Гуров. – Мои фантазии тут ни при чем. Только факты. Я вам пересказываю то, что написано в заключении о смерти. Так судмедэксперты пишут.

– Хорошо, хорошо, давай дальше, – махнул рукой Орлов и потер виски.

– С экспертами я еще побеседую лично, – проинформировал его Гуров. – Но уже с уверенностью можно сказать, что это не просто травмы и ранения, а какие-то истязания. Дело осложняется тем, что опознать тела крайне сложно. Нужно будет дать фотографии на телевидение, может быть, кто-то все-таки опознает.

– А заявления об исчезновениях за последний месяц? – вновь подал голос Орлов.

– Петр, ты слишком много от меня хочешь, – вздохнул Гуров. – Я только-только приступил к этому делу. И уже выяснил такую важную деталь, как связь трупа Снежаны с еще

четырьмя. Большого пока сделать не успел. Разумеется, мы рассмотрим все заявления о потеряшках.

И он посмотрел на Крячко, давая понять, что сильно рассчитывает на его помощь. Станислав промолчал, лишь слегка кивнув в знак того, что все понял и возражать и не думает. Гуров удовлетворенно кивнул и продолжил:

– При них не было ни документов, ни личных вещей. Как я уже говорил, девушки были полностью обнаженными. Пока не опознали ни одну, кроме Снежаны.

– Как, кстати, ее опознали? – спросил Крячко. – И почему?

– А это нужно у Петра спросить, – Гуров повернулся к своему начальнику. – Ему спасибо – он нам это дело сосватал.

Орлов покраснел, но оправдываться перед своим подчиненным не собирался.

– Ее опознал один из наших сотрудников при осмотре трупа в морге, – холодно пояснил он. – Фото Снежаны не появлялось в прессе, а лицо ее не было изуродовано, вот он и узнал девушку. Правда, прошло уже несколько дней, прежде чем он ее увидел, поэтому много времени оказалось потеряно. И хочу заметить вам, господа орлы-сыщики, что мы не выбираем дела, которые нам поручают, ясно? И будем заниматься теми, какие есть! Вопросы будут?

– Будут, – упрямо сказал Гуров. – Где сам Кабанов? Мне необходимо с ним побеседовать.

Орлов вздохнул.

– Я тебе дам его телефон, – стараясь говорить как можно небрежнее, произнес он. – И ты сам ему позвони и договорись о встрече. Идет?

– Идет, – насмешливо проговорил Гуров, протягивая руку.

Орлов, бормоча про себя: «Вот и слава богу», полез в стол и передал Гурову визитку Леонида Кабанова. Гуров со столь же насмешливым видом убрал ее в карман. Он знал о том, как не любит Орлов общаться с сильными мира сего, как старается всячески уклониться от тесного контакта с ними. Знал он и то, что Петр втайне завидует тому, как удается Гурову находить с ними общий язык. И то, что Орлов согласился взять это чужое дело об убийстве дочери известного бизнесмена, объясняется лишь тем, что генерал-лейтенант полностью рассчитывал на Гурова, надеясь, что ему самому никоим образом не придется пересекаться с Кабановым.

Разумеется, при этом Орлов, выполняя обещание, данное Гурову, не стал бы отсиживаться в сторонке: всю необходимую по работе помощь он ему обязательно окажет. Подтянет все силы, позвонит куда нужно, если потребуется. Да и Крячко рядом. Вот уж кому плевать – олигарх перед ним или бомж. Станислав тоже умел разговаривать с людьми, находить к ним подход; правда, получалось у него это совершенно по-иному, чем у Гурова. Два друга-сыщика вообще не были похожи между собой. Может быть, этим и объяснялась

их многолетняя дружба и удачная профессиональная связка: оба как бы дополняли друг друга, и нехватка качеств одного восполнялась другим.

Вот и теперь Гуров с Крячко переглянулись, и Станислав подмигнул другу.

– Тогда у меня тоже будут вопросы. Точнее, пока один, – проговорил Орлов и обвел друзей строгим взглядом. – Что делать-то будем? Или, как выразился Лева, сидеть и тупо ждать, когда появится шестой труп?

Гуров уже собирался было ответить, но, желая помочь другу, влез Крячко и спросил:

– Кстати, а почему все-таки ты заговорил про шестой труп? Откуда тебе известно, что он будет? И почему шестой? У нас пока только четыре жертвы...

– Смотрите, – вновь посерьезнел Гуров. – Все убийства совершались в ночь с пятницы на субботу. Вот, я специально просмотрел и сопоставил дела. Первая девушка была найдена утром в субботу, это было семнадцатого сентября. Другая – двадцать четвертого. Следующая – уже первого октября, это также была суббота.

– И Снежана Кабанова была обнаружена восьмого утром. И это тоже была суббота, – подхватил Орлов. – Значит, она последняя жертва! Так?

– Нет, не так, – качнув головой, вновь озадачил его Гуров. – Снежана Кабанова на самом деле не последняя жертва, а предпоследняя. Вот, глядите...

И полковник положил на стол генерал-лейтенанта листок бумаги. На нем гуровским почерком был написан список девушек. Всего их было пять. Последняя значилась безымянной, а труп ее был обнаружен пятнадцатого октября, в субботу, также в мусорном баке, в районе Таганки. Именно о смерти этой девушки Гуров слышал в телевизионных криминальных новостях. Район был центральным, видимо, поэтому материалы и попали на телевидение. Крячко с Орловым, нахмутив брови, по очереди внимательно посмотрели список и молча положили его на стол.

– Я, услышав о том, что тело Кабановой нашли в мусорном контейнере, сразу вспомнил об этом, – продолжал рассказывать Гуров. – И, естественно, поднял все материалы. Так вот, последняя девушка – ее пока никто не опознал – умерла оттого, что ее просто расплющило с двух сторон. Как будто ее здоровенной машиной переехало... И, судя по всему, причина смерти всех этих несчастных девушек – одна и та же. А следовательно, и убийца один...

– Что же это получается? – тихо спросил Орлов, поднимая голову. – Маньяк завелся?

– Не знаю, – уклончиво ответил Гуров.

– По всему выходит, что маньяк, – мотнул головой Крячко. – Во-первых, все жертвы бабы. То есть я хотел сказать – девушки. Во-вторых, он убивает в определенный день недели. В-третьих, они все были голые.

– Но не изнасилованные, – поднял указательный палец Гу-

ров. – И вообще, как-то, мне кажется, маньяк в эту схему не вписывается...

– Очень даже вписывается! – не согласился Крячко. – Как раз и орудия убийства подходят – топоры, колья... Типичный маньяческий набор!

– А ожоги? – спросил Орлов.

– А он, может, ее сжечь хотел, как ведьму, – не растерялся Крячко. – На то он и маньяк!

– Как ему удалось убить их таким способом? – задумчиво сказал Гуров, словно разговаривая с самим собой. – Ведь тело Снежаны не просто истыкано ножом, оно словно попало в какие-то тиски! Как будто его пронзили с двух сторон неким механизмом, в который вмонтированы длинные, заостренные на конце предметы округлой формы, похожие на колья или огромные гвозди.

– Во-во, он и механизм сконструировал! – ухмыльнулся Крячко. – Может, у него там целая гильотина или эта... как ее... Черт, забыл! Совсем недавно же читал в газете, что было такое орудие пыток в Европе, давно еще, как раз где-то в Средние века. Типа шкафа в виде женщины. Туда помещали жертву, причем стоя. А с обеих сторон находились длинные гвозди, которые пронзали ее тело. Потом, после смерти жертвы, дно открывалось, и тело сбрасывалось в воду. Прямо безотходное производство, я аж восхитился! Забыл только, как называется. Бабское какое-то название...

– Железная дева, – подсказал Гуров.

– Во, точно! Железная дева.

– Кошмар какой! – снова поежился Орлов. – Ты что же, Станислав, всерьез думаешь, что кто-то соорудил в наше время такое?

– А почему бы нет? Что, в наше время конструкторов мало?

– Зачем? – Повернувшись, Гуров посмотрел прямо в лицо Крячко, и сделал это столь резко, что Станислав невольно отпрянул.

– Что значит – зачем? – хмыкнул он, почесав затылок. – Он маньяк!

– Тогда зачем ему конструировать всякие сложные механизмы? Он мог просто зарезать свою жертву.

– А ему, может, хочется поизощрнее! Может, он воображает себя инквизитором?

– Но ранения первого трупа совсем не похожи на инквизиторские пытки, – напомнил Гуров. – Девушка получила несколько ударов по голове. Точнее – три. Два справа и один слева. Как будто ее камнем ударили или еще чем-то тяжелым. И, кстати, последняя жертва также умерла от черепно-мозговых травм.

Крячко насупился и задумался, наскоро ища объяснение. Однако быстро придумать подходящую версию ему не удалось, и он уже ловил на себе ядовитый, победный взгляд Гурова. Но тут как раз вмешался Орлов и тем самым спас Станислава.

– Так, хватит препираться! – слегка хлопнул он ладонью по столу. – Гадать и строить всякие фантастические предположения можно сколько угодно. Вы давайте факты ищите и уже на их основании версию выдвигайте. Я вас русским языком спросил – что собираетесь делать? Вы мне пока на него не ответили!

– Работать собираемся, Петр. Работать, – спокойно сказал Гуров. – Каждый шаг расписывать не собираюсь, поскольку это дело ты доверил мне. Правильно?

Орлов нахмурил брови и чуть опустил глаза.

– Лева, тебе прекрасно известно, насколько я вообще тебе доверяю. И не просто доверяю – я в тебя верю.

– Лева, ты практически бог! – не удержался от иронического замечания Крячко. – Смотри, Петр в тебя верит. Ты хотя бы можешь быть уверен в том, что ты есть!

– И когда тебе, Станислав, надоест паясничать? – спросил Орлов.

– Никогда! – весело ответил Крячко. – Иначе я превращусь в такого, как ты: вечно вздыхающую и охающую старую бабку.

– Ну ладно, язык-то попридержи! – прикрикнул Орлов. – Ты в моем кабинете все-таки, а не на кухне у меня сидишь.

– Молчу, Петр Николаевич, молчу! – кивнул Крячко, чинно сложив руки на коленях. – Я просто удивился твоей склонности к громким словам. Такого раньше за тобой не водилось, это под старость развилось.

Орлов ничего не сказал, только раздраженно несколько раз махнул кулаком в сторону Крячко – уймись, мол, делом нужно заниматься.

– Только я вас очень прошу – не слишком увлекайтесь средневековыми романами! – погрозил пальцем Орлов.

При этом он не смотрел на Крячко, но Станислав и так прекрасно понял, к кому относятся замечания генерал-лейтенанта. Отказываться от своей версии ему совершенно не хотелось. Мало того, что она казалась ему очень красивой, так она еще и позволяла поскорее приблизиться к полной разгадке этого дела. И так просто расстаться с ней Крячко не желал.

– Почему фантастические? – засопровтивлялся он. – Помните дело о битцевском маньяке, который собирался убить шестьдесят четыре человека, по числу клеток на шахматной доске? Вот кому еще такое придет в голову?

– Ладно, Станислав, не горячись, – решил Гуров утихомирить приятеля. – Разумеется, версию о маньяке мы проверим. Вот если хочешь, можешь сам ею и заняться. Хотя пока что я хотел поручить тебе более рутинную и прозаичную работу.

– Ну, хозяин – барин! – тут же сказал Крячко. – Ты у нас начальство, можешь приказывать.

– Я не приказываю, а прошу. И не заедайся, пожалуйста, – поморщился Гуров. – Работы и так предстоит выше крыши, ты еще будешь капризничать.

– Не буду, – успокоил его Крячко. – Давай-ка пойдём помозгуем, с чего будем начинать. Вернее, продолжать, потому что ты уже начал.

– Идите уже! – спровадил поскорее их Орлов, обрадовавшись, что разногласия между сыщиками не привели к ссоре, что неоднократно случалось. И тогда работа продвигалась с большим трудом, поскольку каждый из оперов-важняков обладал своим упертым характером.

Гуров и Крячко покинули кабинет генерал-лейтенанта.

Работа действительно закипела практически сразу. И задействованы в ней были не только два полковника МВД, но и менее важные чины, которым поручались всякие текущие «мелочи», на поверку оказывавшиеся очень важными. Например, такие, как работа по опознанию трупа.

Сам Гуров в эти дни занимался тем, что ездил по экспертам, расспрашивая мнение каждого о характере ран жертвы. Врачи разводили руками и казенным языком пересказывали то, что полковник уже читал в протоколе. Никто не мог сказать ничего более определенного. На вопрос о ранениях на теле Снежаны Кабановой пожилой судмедэксперт Василий Степанович Левин заявил: «Такое впечатление, молодой человек, что ее защемило металлическими зубцами, между которыми она пыталась проползти».

Эта фраза, казавшаяся полным бредом, никак не помогла Гурову. Он только уточнил:

– А почему проползти, а не пробежать, к примеру?

Василий Степанович усмехнулся в седой ус и пояснил:

– Потому что на коленях и ладонях у нее характерные ссадины и частички пыли и земли, въевшихся в кожу. Она явно где-то ползала.

– Где? – недоуменно спросил Гуров.

– Ну, это, молодой человек, уже по вашей части, – развел руками Василий Степанович, который называл «молодым человеком» любого, кто был хотя бы на год моложе его. Гуров не признавался даже самому себе, что ему это льстит.

Оставив в покое экспертов, он переключился на личности жертв. Но и с этим было трудно, поскольку пока что была опознана только одна – Снежана Кабанова. На телевидение были переданы фото всех девушек, за исключением Кабановой, и теперь была надежда, что хоть одну из них опознают.

Так как доподлинно была установлена личность только одной жертвы, то есть Снежаны, Гурову ничего не оставалось, как заниматься именно ею. Он побывал в клубе «Парадиз» и побеседовал с теми из знакомых девушки, кого застал там. Больше всего Гурова волновали следующие вопросы: с кем она пришла в клуб, с кем ушла и во сколько?

Друзей, приятелей и просто знакомых у Снежаны оказалось великое множество. Показания их во многом разнились, но все они сходились в одном: Снежана посещала «Парадиз» очень часто, это был ее любимый клуб. Приходила когда одна, когда с кем-нибудь из подружек. Точнее, не приходила, а приезжала на белом «Лексусе». Гуров выяснил, что

в настоящий момент этот «Лексус» по-прежнему стоял на стоянке возле ночного клуба. А это означало, что Снежана покинула клуб на чьем-то чужом транспорте... Куда она пошла и почему, никто не мог объяснить.

Еще один момент, который волновал Гурова, – наличие у Снежаны постоянного молодого человека. Однако оказалось, что такового не было. Правда, некоторые свидетели заявили, что когда-то она встречалась с Денисом Маликовым. Гуров поручил его Крячко, который попробовал потрясти парня на причастность к убийству, но, поработав с ним, уверенно заявил, что «он тут не при делах». Парень был совсем молодым, девятнадцати лет, на маньяка ничем не походил, а главное, всю ночь с седьмого на восьмое провел в клубе на глазах многих. И вообще, беседа с ним убедила сыщиков в том, что на него не стоит тратить время.

Гуров мотался по приятелям Снежаны, от одного к другому, в управлении появлялся только поздно вечером и сразу шел на доклад к Орлову. А так как приятелей было пруд пруди, сыщику приходилось очень сильно шустрить. Беда только в том, что во всех показаниях не было никакого полезного зерна. Никто не помнил, куда отправилась Снежана в злополучный вечер седьмого октября. Единственное, что было вроде бы установлено точно, так это то, что после полуночи ее уже не было.

Что касается самого господина Кабанова, то когда Гуров позвонил ему, то услышал автоответчик, предлагавший ему

оставить сообщение. Именно это Гуров и сделал, представившись и вежливо попросив господина Кабанова приехать к нему в кабинет в главке или хотя бы перезвонить. Господин Кабанов не сделал ни того, ни другого. Гуров звонил еще один раз, но итог был тем же. Бизнесмен явно игнорировал сыщика, которого сам же и «нанял» для поиска убийцы своей дочери.

Это взбесило Льва, но он решил продолжать дело. В конце концов, оно касалось уже не только Снежаны Кабановой, но и еще трех несчастных девушек, да и вообще успело сильно захватить сыщика. Да и как профессионал Гуров не мог не рассматривать версию о том, что в столице завелся очередной маньяк. И тогда его поимка просто необходима. Он, Гуров, обязан организовывать покой и безопасность жителей столицы. Для того он и работает, а не ради паршивых кабановских денег! И, закусив губу, полковник с еще большим азартом окунулся в это мутное дело.

Пока он стирал шины своего автомобиля, объезжая всех, чьи имена и адреса успевал раздобыть, остальные тоже не сидели сложа руки. Был поднят целый штат, однако результатов было ничтожно мало. Обнаружились лишь смутные показания двух бомжей, видевших первого октября в предутреннем (и примешавшемся к нему алкогольном) тумане возле мусорных баков в районе Кусковского лесопарка в Вешняках большую иномарку труднообъяснимого цвета. Спектр варьировался от темно-красного до темно-синего. Машина

будто бы подъехала к бакам, и из нее выбросили большой темный мешок. Кто его выбрасывал и куда уехала машина, ни один из бродяг не помнил. Сам мешок они не открывали, потому что им посчастливилось найти в контейнере полбутылки дешевого коньяка и все остальное перестало их интересовать.

Однако сыщики ухватились за эту ниточку, бывшую на тот момент единственной. Большая иномарка – это было хотя бы что-то. Но беда в том, что этим «что-то» дело и ограничивалось. Крячко, считавшийся специалистом по задушевым разговорам, бился с бомжами двое суток, пытаюсь все-таки добиться от них, какого цвета она была, но так и не смог точно описать в рапорте оттенок пресловутой машины. Только один из бродяг, мучительно выжав все капли из своей слабой памяти, заявил: «Ну вот вроде как смородиновое варенье». Второй сказал, что как виноград.

– Зеленая, что ли? – обалдело спросил Крячко, у которого уже голова шла кругом от тщетного перебирания цветов. Станислав даже сажал бомжей к монитору и выводил на него целую палитру квадратиков разных цветов, но бомжи упрямо в один голос уверяли, что того самого цвета тут нет.

– Какая зеленая? – обиженно отозвался бомж. – Темно-фиолетово-бордовая!

Не лучше обстояло дело и с маркой, не говоря уже о номерах. Номера они, конечно, даже не пытались запомнить. Крячко раскладывал перед ними каталоги автомобилей, от

древних раритетов до самых современных моделей, но бомжи каждый раз тыкали в разные машины.

Крячко, вконец осатанев, махнул на них рукой, отпустив с миром, но заручившись словом, что в случае чего всегда может найти их в таком-то дворе. Разумеется, личные данные Станислав также зафиксировал.

Словом, к среде троица Гуров, Крячко и Орлов собралась в кабинете генерал-лейтенанта для подведения предварительных итогов. Орлов посматривал на полковников неодобрительно, по их взглядам видя, что итоги будут малоутешительными. Крячко, дабы не выслушивать сокрушенные вздохи Орлова, которые терпеть не мог и дразнил его за них старой бабкой, с ходу принялся докладывать. Станислав говорил бодро, прямо-таки тарабаня, но Орлов, вслушиваясь в его слова, понимал, что Станислав нарочно льет воду. Особенно усердно Крячко рассказывал о том, какую обстоятельную работу он провел по определению цвета иномарки и что уже почти разгадал его секрет. Вот только переговорит со знакомым художником – и дело в шляпе!

– Понятно, – остановил его Орлов. – Давайте все-таки по существу. Фотки на телевидение давали?

– Давали, – ответил Гуров. – Результаты мутноватые, но все же есть. Первую жертву не опознал никто.

– Тоже результат, – язвительно вставил Орлов.

– ... Вторую, – невозмутимо продолжал полковник, – опознали предварительно. Точнее, позвонила девушка, которая

вроде бы снимала на двоих квартиру с нашей убитой. До конца она не уверена, потому что фотографии пришлось делать с трупов и ретушировать – сам понимаешь, как сейчас выглядят фигурантки...

– Ты вызывал ее в морг? – спросил Орлов.

– Я лично ездил, – вмешался Крячко. – Она так и не сказала на сто процентов. Но если ей верить, это некая Оксана Петренко, уроженка города Белгорода-Днестровского, что находится на Украине.

– Нужно говорить «в Украине», – поправил его Гуров. – А то они обижаются.

– Кто они? – взвился Крячко. – Хохлы, что ли? Это фанатики и политики возмущаются, потому что воду мутят! Националисты еще... А нормальные люди нормально говорят, как и раньше. На Украине, и все. Что ты мне тут рассказывать будешь про хохлов? Я сам хохол!

– Ладно, ладно, говори как хочешь, – поспешно сказал Орлов, видя, что Станислав разбушевался не на шутку. Ситуация с Украиной была для него большим вопросом.

– Значит, Оксана Петренко приехала из Белгорода-Днестровского года полтора назад, – понизив градус, продолжал Крячко. – Поселилась вместе с нашей опознавшей – ее, кстати, зовут Людмила Колмакова, и она из Ельца. Они снимали хату на пару. Несколько дней назад Оксана бесследно исчезла. Людмила заволновалась, потому что подошло время за хату платить, а ее нет.

– Она где-нибудь работала? Оксана, в смысле? – спросил Орлов.

– Да, она работала в каком-то спортивном комплексе тренером. Приехала из своего Белгорода-Днестровского, хотела поступить в институт, не получилось... Возвращаться в свой городишко никак не хотела, потому что там никакой работы нет вообще. Осталась в Москве, устроилась в спорткомплекс. Обычная история. Этой Оксане еще повезло, другим вообще в такой ситуации одна дорога – в стриптиз-клуб или на панель, – сказал Крячко.

– А когда исчезла? – спросил генерал-лейтенант.

– В конце сентября. Как раз совпадает по времени со смертью второй девушки. Если предположить, что это Оксана, то тут все сходится. Но уверенности, что это она, нет.

– Я вызвал ее родственников, – вставил Гуров. – Но сами понимаете, пока они приедут... В общем, ждем их.

– Сидим и ждем? – снова не удержался Орлов.

– Не сидим! – отрезал Гуров.

Генерал-лейтенант обхватил голову руками и спросил:

– Ну а мужчины в жизни этой Оксаны были? Молодая девушка, без родителей... Тут, как говорится, без любви никуда.

– Был у нее хахаль, – подтвердил Крячко. – Но, по словам Колмаковой, она с ним рассталась уже месяца три как.

– Все равно нужно проверить, – настойчиво сказал Орлов. – Вдруг это он?

– Проверим, проверим, – успокоил его Крячко. – Я им и

займусь, тем более что имя известно – Михаил Кириллов. Он вроде тоже приезжий, в какой-то общаге живет. Я дал ребятам наводку, они сейчас бегают, его ищут. Найдут – я его сразу в стойло!

– Понятно, значит, пока по Петренко ясно. А третья? Нашли хоть что-нибудь?

– Да, с третьей все гораздо лучше, – обнадежил его Гуров. – Если в данном деле вообще уместна такая формулировка. Третью уверенно опознал муж. Некая Светлана Красовская. Фамилия по мужу. Точнее, он бывший муж, но развелись они два месяца назад.

– Да? – с живостью повернулся к нему Орлов. – Очень интересно! Вот теперь давайте поподробнее. Кто у нас муж? Где живет, чем занимается, как расстались? – забросал он сыщиков вопросами.

– Живет в Зеленограде, занимается каким-то мелким бизнесом. Металлические двери или что-то типа того, – сказал Крячко. – Я его вызвал сегодня на час дня, хочу покрутить так и эдак, послушать, каких песен он мне напойет.

– А почему с женой развелись, он не сказал?

– Сказал, что отделились друг от друга, но расстались мирно, по-дружески. Он даже ей немного помогал материально.

– Как трогательно! – усмехнулся Орлов. – Слушай, Станислав, ты этого муженька выпускать не торопись. Это хорошо, что именно ты им заниматься будешь. Прижми его так,

чтобы мышь не проскочила!

– Не беспокойся, уж это я сумею, – ухмыльнулся Крячко. – Я тебе не Лев Иванович, церемоний разводить не буду.

– А я, по-твоему, церемонии развожу? – скопился на него Гуров.

– Так, прекратили! – повысил голос Орлов. – Давайте дальше.

– А дальше все, – просто сказал Лев.

– Да? А ты лично чем занимаешься?

– А я занимаюсь непосредственно делом, которое вы мне поручили, Петр Николаевич, – напомнил Гуров. – То бишь Снежаной Кабановой. А так как ее папаша со мной говорить отказывается...

– Брезгует, видно, нами, простыми смертными, – вставил Крячко.

– Возможно. Это мне глубоко безразлично, – сказал Гуров. – В общем, приходится самому копать. Опросил ребят, которые были в ночном клубе, только пока еще и половины не успел. Их там целый муравейник тусуется. На сегодня запланировал еще нескольких, чьи адреса удалось достать. Вот этим и буду заниматься.

– До пятницы осталось два дня, – взглянув на календарь, с тоской произнес Орлов.

– Три, – поправил Крячко. – Если считать сегодняшней день и саму пятницу. А ее нужно использовать, потому что убивают их только в ночь на субботу.

– Успеете? – без особой надежды спросил Орлов.

Сыщики переглянулись и ничего не ответили.

– Понятно, – вздохнул Орлов.

– Слушай, Петр, мы делаем все, что можем, – неожиданно серьезно заговорил Крячко. – Ну, подумай сам – не можем же мы возле каждого мусорного бака наряд поставить. Или каждую темную иномарку в Москве останавливать.

– Не можем, – уныло согласился Орлов. – Но неужели так просто позволим очередной девчонке погибнуть ни за что ни про что?

– Просто так не позволим, – твердо сказал Гуров. – Все, продолжаем работать. Разрешите идти, товарищ генерал-лейтенант?

– Да идите уже, идите! – чуть не простонал Орлов. – Мне и так все ясно...

Глава четвертая

– Раз ему все ясно, мог бы и с нами поделиться, – ворчливо заметил Крячко, когда они с Гуровым покинули кабинет Орлова. – Тоже мне, мыслитель!

– Что ж, его можно понять, – заметил Гуров.

– Его можно, а нас, значит, нельзя?

– Да он понимает! Видишь же, что не требует от нас прыгать выше головы.

– А мы и не сможем! Думаешь, мне самому охота, чтобы еще одну молодую девку убили? – сказал Крячко с обидой.

– Да брось ты, Станислав, Петр нам не мешает и предоставляет полную свободу действий. Просто ты сам чувствуешь тщетность нашей работы и внутренне бесишься от бессилия. И я так же.

– Ах ты психолог наш штатный, – сказал Крячко. – Все-то он замечает, все понимает...

– Да тут и ежу все понятно... Ладно, давай работать. Ты жди мужа, а я тут раздобыл еще три адреска, вот по ним и проедусь. Вечером встретимся в кабинете, поделимся новостями, – сказал Гуров и распрощался со своим другом.

Первую девушку, подругу Снежаны Кабановой, к которой он поехал, звали очень незатейливо – Наташа Кузнецова. Выглядела она, надо сказать, соответственно: обычная, ничем не приметная девчонка. Ее отец держал несколько ме-

ховых магазинов, но его доход, немалая часть которого шла на дочь, не очень способствовал улучшению ее внешности. Прыщи на лбу были тщательно замазаны явно хорошим тональным средством, но все равно были заметны. Рот длинноват, глаза навывкате...

«На лягушонка похожа», – неожиданно для себя подумал Гуров, но тут же одернул себя. Мысли в его голове были, прямо скажем, неуместные. Держалась Наташа довольно просто и сразу сказала, что действительно была в ночном клубе «Парадиз» в ночь на восьмое октября и что она совершенно не может сказать, с кем и когда Снежана покинула данное заведение, но зато отлично помнит, что та пришла туда вместе с Аленой Мальцевой.

Гуров посмотрел свои записи. Адреса Мальцевой у него не было, на сегодня у него были записаны совсем другие имена. Он спросил Наташу, не знает ли она, как найти Алену, и девушка сразу же продиктовала ему нужный адрес.

– Это на Сретенке, – пояснила Наташа. – Только Алена тоже вряд ли что-то новое вам скажет.

– Почему вы в этом так уверены? – удивился Гуров.

– Потому что она осталась в клубе почти до утра. Снежана с ней только пришла, а ушла... Не знаю с кем. Алена была с нами за одним столиком, потом мы танцевали. Если честно, я бы вам посоветовала лучше поговорить с Ольгой Деминой.

– А это кто? – спросил Гуров, записывая имя в блокнот. – И почему вы считаете нужным провести беседу с ней?

– Потому что они недавно крупно поссорились со Снежной, – поведала Наташа.

– Вот как? – сказал полковник. – А из-за чего?

– Из-за Дениса, конечно! После того как они расстались, Денис стал встречаться с Ольгой. А Снежана как-то вслух заметила, что Денис встречается не с ней, а с ее деньгами. А Демина услышала и прямо набросилась на Снежану. До драки, правда, не дошло, но лицо она ей расцарапала...

– Очень интересно, – улыбнулся Гуров. – А Ольга Демина была в пятницу в клубе?

– Нет, не была. И вот это тоже странно, потому что обычно она всегда там. Тем более что Денис был, а она боится его на шаг от себя отпустить. Честно говоря... – Наташа запнулась.

Гуров хотел было сказать «не разбегайтесь, прыгайте», но подумал, что это все-таки не очень подходящая к ситуации фраза, тем более для восемнадцатилетней девушки. Он вообще находился не в слишком типичной для себя ситуации. Так уж сложилось, что ему, оперу по особо важным делам, чаще приходилось иметь дело с мужчинами. С женщинами, конечно, тоже, но уж никак не с сопливыми девчонками. Не его это, прямо скажем, был контингент. Но, как профессионал, он был обязан устанавливать контакт с любыми свидетелями, будь то крупный чиновник или, скажем, пожилая уборщица. Поэтому он лишь произнес:

– Что честно?

– В словах Снежаны есть доля истины, – призналась На-

таша. – Денис действительно закрутил с Ольгой во многом потому, что она давала ему деньги. У нее они всегда есть.

– А у Снежаны, значит, нет? – усмехнулся Гуров.

– Что вы! Ее папа, пожалуй, покруче будет, чем у Ольги. Но Снежана никогда не позволяла Денису выступать в роли альфонса. А у него частенько проблемы с деньгами. У него родители не такие богатые.

– Адрес Ольги вам известен?

– Нет, мы с ней не настолько близки, – покачала головой девушка. – Я у нее не была ни разу. Но вы, наверное, и сами сможете это выяснить?

– Непременно выясним, – заверил ее Гуров и поблагодарил: – Что ж, Наташа, большое вам спасибо. Вы мне дали много ценной информации.

– Да ладно, не за что. Мне даже самой интересно, кто убил Снежану. Неужели Демина?

– Ну, думаю, это вряд ли, – улыбнулся Лев, прощаясь и выходя на широкое крыльцо особняка. – Но версия может появиться интересная.

Поразмыслив, Гуров решил все-таки первым делом навестить Алену Мальцеву, тем более что и адресок ее теперь у него имелся. Что касается Ольги Деминой, то сыщик не мешкая позвонил в управление, распорядившись собрать на нее все данные, а также передал Крячко, чтобы тот сам ехал к Деминой, как только закончит беседу с мужем Светланы Красовской.

Элитный дом на Сретенке горделиво возвышался среди своих более пожилых и менее помпезных собратьев. К моменту, когда Гуров, выйдя из машины, подходил к нужно-му подъезду, он уже успел выяснить, что отец Алены, Юрий Петрович Мальцев, является совладельцем одного из крупных автосалонов столицы и может позволить себе не только квартиру в этом доме, но и приличный загородный особняк. Однако предпочитает почему-то центр Москвы. А может быть, у него есть и особняк за пределами города, этим Гуров не интересовался. Сейчас ему незачем было считать деньги в мальцевском кармане.

В вестибюле сидел охранник, молодой парень в форме, принадлежавшей агентству «Вихрь». Он читал газету и грыз яблоко. При виде Гурова отложил и то и другое и поднял голову. Гуров молча протянул ему свое удостоверение, парень прочитал его и бросил на полковника вопросительный взгляд.

– К Мальцевым, в семьсот восьмую, – сообщил Гуров.

– Извините, но я должен позвонить им и предупредить... – не очень уверенно отозвался охранник.

– Да ради бога, – улыбнулся Гуров. – Сколько угодно!

И спокойно встал в сторонке, дожидаясь, пока охранник, выполняя свои профессиональные обязанности, позвонит Мальцевым. Он был практически уверен, что они не станут отказываться от беседы с ним, поскольку в этом случае Гу-

ров вынужден будет вызвать их дочь в управление повесткой. И готов им вежливо это объяснить на случай отказа от встречи. Но этого не потребовалось: буквально через полминуты парень положил трубку и сказал Гурову:

– Проходите, вас ждут.

Гуров прошел к лифту и поднялся на седьмой этаж. Шагая по ковровой дорожке к нужной двери, он раздумывал о том, не следует ли обзавестись фотографией мужа Светланы Красовской с тем, чтобы показать ее всем, кто посещает клуб «Парадиз». Увы, когда он беседовал с завсегдатаями клуба, он еще не знал о существовании Красовского.

«Ну ничего. В конце концов, если Станислав найдет какую-нибудь зацепку при беседе с ним, можно будет и повторить свои разъезды. А если она есть, эта зацепка, Станислав точно ее не пропустит».

Размышляя таким образом, он подошел к квартире номер семьсот восемь и хотел уже было позвонить, как дверь открылась, и глазам Гурова предстала женщина лет сорока с небольшим, очень тщательно следящая за собой. Она была в брючном костюме, больше подходящем для какой-нибудь деловой встречи, чем для домашней обстановки, светлые волосы ее были уложены, на лице свежий макияж. Женщина явно очень хотела казаться моложе своих лет. Все это настолько бросалось в глаза, что Гуров не мог не заметить.

– Добрый день, – первой заговорила женщина. – Это вы и есть полковник Гуров? Из МВД?

– Я и есть, – не стал спорить Гуров, одаряя собеседницу улыбкой. – А вы, наверное, сестра Алены?

Он намеренно так сказал, прекрасно понимая, что для сестры женщине явно многовато лет. Однако реакция той оказалась такой, как он и ожидал. Она буквально вспыхнула от радости и заговорила с притворным смущением:

– Ой, ну что вы! Я ее мама!

– Никогда бы не подумал, – соврал Гуров. – Вас как зовут?

– Альбина Павловна, но можно просто Альбина. Если честно, мне не нравится мое отчество. Мне кажется, оно как-то старит.

И она кокетливо улыбнулась Гурову. Тот, продолжая играть роль галантного кавалера, сказал еще парочку дежурных комплиментов и, окончательно расположив к себе хозяйку, спросил:

– Так вы позволите мне пройти?

– Конечно! – спохватилась женщина, пропуская его. – Проходите! Не нужно разуваться, скоро придет домработница, она все уберет.

И она привела Гурова в просторную гостиную с закругленными углами. В ней на белом кожаном диване сидел парень лет двадцати трех и смотрел по телевизору какую-то музыкальную программу. У него были мягкие, приятные черты лица и волнистые светло-русые волосы. Парень был очень похож на Альбину Павловну.

– Рома, к нам в гости пожаловал сам полковник МВД! –

звонко провозгласила Мальцева.

– Да? – с довольно безразличным видом спросил парень и выключил телевизор. Повернувшись к Гурову, он скользнул по нему взглядом и спросил: – Вы просто в гости или по делу?

– Ну, учитывая, что знакомство с вашей семьей состоялось у меня только что, выходит, по делу, – стараясь говорить приветливо, произнес Гуров.

– Но какие у нас могут быть дела с МВД? – недоуменно осведомился Рома, глядя на мать.

– Я еще сама не знаю. Честно говоря, я думала, что в МВД работают совершенно сухие и... железобетонные люди. Но господин полковник оказался совсем не таким.

Она явно хотела произвести на Гурова впечатление. При этом кокетство ее не носило оттенка сексуальности – она хотела просто нравиться, и все. Никаких откровенных намеков в нем не было. Наверное, Альбина просто относилась к тому типу женщин, для которых крайне важно мнение окружающих об их персоне, независимо от пола и возраста этих окружающих.

– Вообще-то я хотел бы поговорить с вашей дочерью, – сообщил Гуров.

– С Аленой? – Большие голубые глаза Альбины расширились. – Теперь я удивлена еще больше.

– Я расследую смерть Снежаны Кабановой и беседую со всеми, кто был в клубе «Парадиз» в ночь с седьмого на вось-

мое октября, – проговорил Гуров успокаивающе. – Я побеседовал уже с десятком молодых людей, и теперь очередь дошла до Алены. Вот и все. Кстати, она дома?

– Ах да! – Альбина горестно кивнула, явно имея в виду что-то другое. – Бедная Снежана... Мы уже в курсе. Кто бы мог подумать? Такая хорошая девочка, молодая, красивая... Просто ужас какой-то!

– Вот чтобы поскорее раскрыть этот ужас, я и хотел бы поговорить с Аленой, – повторил Гуров уже настойчивее.

– Но, право, я не понимаю, что Алена может сказать? – повела плечами Альбина Павловна. – Она же ничем не сможет вам помочь.

– Мама, полковник же сказал, что Алена уже одиннадцатая, с кем ему нужно побеседовать, – вмешался Рома. – Обычная проверка, правда? – посмотрел он на Гурова.

– Да, – кивнул тот. – Вы все правильно понимаете, Роман.

– Ну хорошо, я позову ее, – с легким вздохом Альбина прошла к лестнице, ведущей на второй этаж.

– А что, неужели из всех, кто был в «Парадизе», никто ничего не знает и не видел? – спросил Рома. – Там же полно народа.

– К сожалению, пока информации мало, – уклончиво ответил Гуров. – Может быть, ваша сестра прольет свет на это дело.

В этот момент в прихожей послышалась трель звонка, откуда-то – видимо, из кухни – появилась домработница и, от-

крыв дверь,пустила в квартиру высокого,довольно крупного мужчину лет пятидесяти с едва тронутыми сединой висками, который сразу же прошел в гостиную.

– Привет, пап! – поднялся ему навстречу Роман. – У нас гости, полковник МВД. Это насчет Снежаны, – добавил он, видя, что Мальцев вопросительно смотрит на незнакомого мужчину в лакированных ботинках, устроившегося в глубоком кресле.

– Мальцев, Юрий Петрович, – звучным баритоном сказал тот, подходя к Гурову и подавая ему руку.

– Гуров, Лев Иванович, – в тон ему ответил тот.

– Гуров? – кустистые брови Мальцева слегка приподнялись. – Неужели тот самый?

– Смотря что вы имеете в виду, – чуть улыбнулся Гуров.

– Ну, не скромничайте, господин полковник! – с легким укором произнес Мальцев. – Ваша фамилия, как говорится, слишком известна!

– Далеко не всем, – покачал головой Гуров. – Разве что в определенных кругах. Мне, например, даже странно, что вы обо мне слышали.

– Слышал, и многое, – подтвердил Мальцев. – Рад принять вас у себя дома. Вот только причина мне не совсем ясна... Ты сказал, что насчет Снежаны? – он слегка повернулся к сыну.

Роман лишь кивнул, предоставив Гурову самому все объяснить. Мальцев, чуть нахмурившись, выслушал, потом

вдруг сказал:

– Знаете что? Я вообще-то приехал ненадолго, только пообедать. Присоединяйтесь к нам. Я привык, чтобы за обедом семья собиралась вместе, и мне бы не хотелось, чтобы вы с Аленой отсутствовали, в то время как мы будем сидеть за столом. Во время обеда сможете и побеседовать.

– Спасибо большое, не откажусь, – сказал Гуров, думая о том, что Мальцев, скорее всего, просто желает, чтобы разговор с дочерью происходил в его присутствии и был, так сказать, на контроле. Собственно, Гуров не возражал против этого, и все трое уселись за большой круглый стол в центре комнаты, а домработница принялась его накрывать.

Вскоре появилась и Альбина в сопровождении девушки лет двадцати, которая совсем не была на нее похожа – видимо, пошла в отца. Алена была крепкой, довольно высокой и темноволосой. Серые глаза ее смотрели на Гурова совершенно без всякого восторга, даже настороженно. Она отнюдь не разделяла восторгов матери по поводу того, что их посетил знаменитый сыщик. Алена лишь сдержанно кивнула Гурову и сразу же прошла на свое место, принявшись крутить в руках вилку.

Гуров не спешил. Он спокойно ел рассольник, искоса незаметно наблюдая за девушкой. Та ела неохотно и вообще чувствовала себя скованно. Отломил кусочек хлеба и принялась катать мякиш между пальцами. Мальцев тем временем громко рассказывал какую-то историю, произошедшую

с его подчиненным сегодня утром. История была смешной, но Алена улыбалась очень натянуто.

– В общем, попал Мишка со всех сторон! – весело заключил Мальцев. – А все почему? Не гонись за двумя зайцами, пословица не зря придумана. А он аж за тремя погнался!

И он снова рассмеялся. Гуров беседу не поддерживал, только улыбался и коротко отвечал, если Мальцев обращался к нему с каким-нибудь вопросом.

– Ну, сынок, как у тебя дела на фабрике продвигаются? – обратился тем временем Мальцев к сыну.

– Нормально, – кивнул тот. – Оборудование почти все закупили, осталось ремонт доделать. Еще месяц-другой – и запустим производство. Андрюха уже договорился с одной фирмой, они обещали сделать поскорее.

– Молодец! – громко похвалил сына Мальцев и повернулся к Гурову: – Знаете, Лев Иванович, что меня больше всего в жизни радует? – И, не дожидаясь реплики Гурова, ответил сам: – То, что дети у меня хорошие выросли. Правильные дети. Сейчас это редкость.

– Это точно, – усмехнулся Гуров, вспомнив недавние сокрушения Крячко по тому же поводу. Как все же сильны проблемы детско-родительских отношений!

– Да, – не скрывая гордости, сказал Юрий Петрович. – Я их с детства грамотно воспитывал. И жене сразу сказал, чтобы не баловала. Она, правда, все равно балует втайне от меня...

Мальцев шуточно погрозил жене пальцем, та принялась что-то говорить в свое оправдание, но Юрий Петрович, не слушая ее, вновь обратился к Гурову:

– Я считаю, что ребенку нужно прививать как можно больше самостоятельности с детства! Дал ему образование – а дальше сам. Крутись, пробуй, ошибайся. Я в дела своих детей стараюсь не вмешиваться. Пусть пробуют что хотят. Сами разберутся, не маленькие. Потребуется помощь – всегда окажу, но опекать, как клушка, не буду. Верно я говорю?

– Не знаю, – уклончиво ответил Гуров. – Думаю, что полная свобода и вседозволенность тоже не есть хорошо.

– Но кто говорит о вседозволенности? – поднял вилку Мальцев и несколько раз взмахнул ею в воздухе. – Самостоятельность! Вот о чем я говорю. Или вы считаете, что я не прав?

– Мне сложно судить, у меня детей нет, – ответил Гуров, поскольку развивать данную тему и дискутировать с Мальцевым ему совершенно не хотелось.

– Да? – искренне удивился Мальцев и добавил с некоторой бестактностью: – Это вы зря. Впрочем, вы сыщик, у вас на первом месте работа. И настоящий сыщик не должен быть обременен ничем, кроме нее. Ни семьей, ни чем-либо другим.

– Ну, это вы, пожалуй, хватили через край, – заметил Гуров. – Что же, всем нашим сотрудникам теперь не жениться? Между прочим, у многих прекрасные семьи.

– Я не говорю обо всех сотрудниках, – тут же пошел на попятную Мальцев. – Я сказал лишь – настоящий сыщик, – подчеркнул он, – а их единицы!

Гуров ничего не стал отвечать, хотя отлично понял, что Мальцев явно записал его в «настоящие сыщики». Не стал он и рассказывать о том, что вообще-то у него самого тоже есть семья, пусть и бездетная. Он был уже утомлен этой беседой и громогласным баритоном Мальцева. Гурову не терпелось перейти к делу, но прерывать хозяина во время обеда казалось ему невежливым.

Во время второго, состоявшего из бараньего жаркого с гречневой кашей, Мальцев тоже заполнял собой все пространство, и Гуров никак не мог приступить к беседе с Аленой. Он уже решил наплевать на приличия и, если Мальцев не угомонится, просто встать из-за стола и позвать девушку в ее комнату. За десертом, когда Юрий Петрович несколько утомился от собственной болтовни, он неожиданно сказал:

– Лев Иванович, может быть, вы нам расскажете что-нибудь забавное из вашей практики? Наверняка у вас было много смешных случаев.

– Увы, моя практика бедна на юмор, – ответил Гуров, отпивая кофе. Он оказался огненным, и Гуров, поморщившись, отставил чашку, чтобы напиток немного остыл. – В ней чаще всего случаются, мягко говоря, неприятные вещи. Как, например, смерть Снежаны Кабановой.

Он намеренно высказался прямо. Он видел, что Алена

быстро допила кофе и теперь собирается выскользнуть из-за стола. Произнеся последнюю фразу, он в упор посмотрел на девушку. Та остановилась, опустив глаза в пол. Все смущенно замолчали, словно Гуров произнес какую-то неловкость. Повисла неуклюжая пауза, которой полковник и воспользовался.

– Алена, вы пошли со Снежаной в клуб вместе? – спросил он.

– Я не помню, кажется, да, – совсем тихо ответила девушка.

– Вы вряд ли можете этого не помнить, – возразил Гуров. – Ведь это произошло совсем недавно. К тому же это была ваша последняя встреча со Снежаной.

Все по-прежнему молчали, никто не вмешивался в беседу.

– Ну да, мы пошли вместе, – признала Алена.

– А с кем Снежана ушла из клуба?

– Не знаю, – ответила Алена.

– Вы не видели, как она уходила?

– Нет.

– А с кем она общалась в клубе?

– Ну... Со многими, – пожала плечами Алена.

– Так не пойдет, – покачал головой полковник. – Вы отвечаете механически, просто чтобы от меня отвязаться. А мне нужна от вас правда.

– Но я правда не помню! – Алена подняла наконец гла-

за на Гурова. Смотрела она как-то умоляюще, словно прося оставить ее в покое.

Альбина Павловна заерзала на стуле и сказала:

– Лев Иванович, но Алена и вправду может не помнить того, о чем вы спрашиваете!

– Неужели она в двадцать лет страдает старческим склерозом? – удивленно спросил Гуров.

Он намеренно решил не церемониться. Если сейчас пойти на поводу у девчонки и делать вид, что он ей верит, та так и будет вяло говорить «не помню». А ведь явно что-то помнит. Почему же не хочет говорить? Принципиальная нелюбовь к полиции? Откуда? Родители явно настроены по-другому. Или это хорошо прикрытое лицемерие? Гурову так не казалось.

Альбина надула губы. Потом поправила безукоризненную прическу и сухо вато сказала:

– Но ведь прошло уже много дней.

– Да бросьте вы! Чуть больше недели. К тому же это была их последняя встреча со Снежаной, – заметил Гуров и снова обратился к девушке: – Алена, мне всего лишь нужно знать о том, чем занималась Снежана в клубе. С кем общалась, что собиралась делать дальше? Неужели она не поделилась с вами своими планами? Ведь вы пришли вместе. Наверняка же обсуждали хотя бы, кто когда отправится домой.

– Снежана не собиралась рано домой, – ответила Алена. – А чем занималась... Ну чем можно заниматься в ночном

клубе? Развлекалась, танцевала...

– С кем? – тут же спросил Гуров.

– Ой, ну я не помню... Со многими!

– А с Денисом Маликовым?

– С Денисом они расстались, у него другая девушка.

– Ольга Демина?

Алена удивленно подняла на него взгляд.

– Откуда вы знаете?

– Дочь, ты забыла, что Лев Иванович сыщик, – встрял в беседу ее отец. – Ему положено знать такие вещи. Он же тебе ясно сказал, что уже пообщался с вашей компанией!

– Ой, да у нас и не было никакой компании! – тут же откристилась Алена. – Все вроде вместе, но в то же время каждый сам по себе. Так же и Снежана. При чем тут то, что мы пришли вместе? Мало ли куда ей захотелось поехать еще? Откуда мне знать?

Голос девушки поднимался все выше, она явно была на взводе. Нервы ее были натянуты, и Гуров, видя, что откровенничать с ним она так и не собирается, решил на жесткий аргумент. Он вынул из кармана фотографии и резким движением подвинул их к Алене.

– Смотрите! – произнес он. – Это снимки тела Снежаны, найденного в мусорном контейнере. Посмотрите на него внимательно. Она убита варварским способом. Настолько варварским, что даже взрослые мужчины содрогались! Неужели вам не хочется, чтобы этот изверг был найден? Ведь

Снежана была вашей подругой. Смотрите, смотрите!

И он веером разложил перед Аленой фотографии. Протрупы остальных девушек Гуров пока решил не говорить. Алена с ужасом взидала на снимки. Полковник видел, какими огромными стали глаза Альбины, которая тоже увидела фотографии. Юрий Петрович нахмурился и, не спрашивая разрешения, осторожно взял одну из фотографий двумя пальцами.

– Ну? – сверлил девушку взглядом Гуров. – Не надумали говорить?

– Я не буду это смотреть! – неожиданно громко закричала Алена и разрыдалась. Затем вскочила с места и, заткнув руками уши, продолжала кричать: – Не буду, не буду, не буду!

Она хотела броситься к лестнице, но споткнулась о стул матери, стоявший на пути, и чуть не упала. Сидевший справа брат быстро поднялся и поддержал ее. Алена билась в его руках и рыдала в голос. С ней начиналась истерика.

Тут все повскакивали со своих мест. Альбина Павловна сквозь слезы пыталась утешить дочь, Мальцев громко крикнул домработнице, чтобы та принесла холодной воды и наштавь. Потом повернулся к Гурову и холодно произнес:

– Вы меня простите, Лев Иванович, но я вынужден просить вас уйти. Хотя вы и профессионал, но, честно говоря, мне не нравятся ваши методы. Не думал, что лучший сыщик станет заниматься запугиванием молодой девушки и демонстрацией перед ней чудовищных картин... Одним словом,

уходите!

– Мне все равно придется побеседовать с вашей дочерью... – начал было Гуров. – Не здесь, так в управлении. Я думал, здесь лучше.

– Уйдите! – рявкнул Мальцев, выхватывая из рук подошедшей домработницы стакан и пузырек с нашатырем.

– Уходите, уходите! – плача, вторила ему Альбина.

Роман, обнимавший сестру за плечи и что-то шептавший ей на ухо, посмотрел на Гурова с сочувствием и едва заметно развел руками – дескать, увы, я здесь ничем не могу помочь.

Лев не стал прощаться, просто развернулся, прошел в прихожую сам открыл входную дверь. В спину ему доносились глухие рыдания Алены и суматошные возгласы ее родни. Когда сыщик спустился вниз, охранник дружелюбно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.